

Ольга Шапарт

Хаски Шерри

Ольга Шапарт
Хаски Шерри

«Автор»

2025

Шапарт О.

Хаски Шерри / О. Шапарт — «Автор», 2025

Это добрая и ироничная история о белоснежной хаски, которая прошла путь от холодных улиц и одиночества до дома, где её ждут. Она умеет слушать сердцем, запоминать запахи тех, кто протянул ей руку, и никогда не забывает обещаний. Вместе с ней мы увидим мир её глазами: радость первой прогулки без поводка, тревогу, когда любимая хозяйка исчезает из вида, маленькие победы в завоевании доверия кошки, и тихое счастье стать частью стаи. Здесь будет место и смеху, и трогательным моментам, и маленьким приключениям, где собака — не просто питомец, а главный герой, который меняет жизнь людей вокруг.

© Шапарт О., 2025

© Автор, 2025

Ольга Шапарт

Хаски Шерри

Хаски Шерри. Ольга Шапарт

Глава 1. Загадали собаку

Иногда Лизе всё ещё казалось невероятным, что по их дому разгуливает большая белая хаски – настоящая северная красавица, похожая на волка из детской книжки, которую она когда-то читала детям перед сном. Шерсть у собаки была густая, как у разгулявшейся метели, глаза – карие, редкие для породы, глубокие, будто хранившие тайну, известную только ей.

Лиза остановилась в узком коридоре между детскими. На полочке у зеркала уже пару недель царило “творческое безумие” – кремы, тени, блески, открытые и забытые. Здесь давно хотелось навести порядок. Она взяла тряпку, дважды нажала на пульверизатор и одним уверенным движением стерла пыль. Так, будто можно было так же легко привести в порядок всё остальное.

В отражении она увидела себя – уставшую, слегка взъерошенную, но всё ещё способную одним взглядом остановить спор детей. И вдруг – движение у двери.

Собака стояла, чуть наклонив голову, так, будто пыталась понять, зачем человек снова разговаривает с зеркалом. Белая, пушистая, похожая на облако, решившее стать собакой. Иногда в её глазах вспыхивало что-то неуловимое: будто на секунду через зрачки пробегал северный ветер – и тут же исчезал, уступая место обычному тёплому любопытству.

– Ребята, – позвала Лиза, не сводя глаз с отражения, – а ведь мы когда-то загадали именно такую собаку. Помните?

Из комнаты Миши донёсся звук отодвигаемого стула.

– Это когда одна из собак всё время попадала в истории?

– Да! – отозвалась Даша. – И ещё в поезде ехали в посылке для фермера! Как будто багаж – это нормальный транспорт!

Лиза рассмеялась. Память вернулась мягким, солнечным бликом.

Море. Горячий вечер, когда кожа слегка липнет от соли, а воздух пахнет фруктами и свежестью. Дети – краснощёкие, уставшие и счастливые – забираются на огромную кровать после дневных приключений.

– Давайте сказку!

– Про собак! – предлагает Миша.

– Про трёх, обязательно трёх! – добавляет Даша.

– И одна должна быть белой, – произносит Лиза, сама не зная почему.

Так и появилась история: три уличные собаки зимой в большом городе, холодные лапы, пустой живот и бесконечная тяга к приключениям. Вместе было теплее, и именно вместе они нашли дорогу в багажный вагон поезда, отправляющегося в тёплые края. Потом была ферма енотов – идея Даши – цветочная поляна и что-то невероятно вкусное, возможно даже деликатес “ягоды плюс колбаса”.

Каждый вечер в сказке появлялись новые детали, и Лиза ловила в детях то, что любила больше всего, – их способность мечтать и сочинять.

– Помните, – сказала она, возвращаясь в коридор, – как мы тогда решили: если у нас когда-нибудь будет собака, то только белая?

Даша высунулась из-за двери.

– Я думала, это просто сказка. А теперь у нас хаски, которая выглядит как полярный медведь.

Миша вышел, опершись плечом о косяк.

– Мам, а помнишь тех щенков в дачном чате? Белых метисов хаски. Я тогда всем фотки рассылал.

– У одного нос был как будто художник слегка испачкал кисть, – добавила Даша. – Такой милый.

Лиза кивнула.

– Тогда мы не могли их взять. Мы были в отпуске. Видимо, Вселенная решила ответить с задержкой.

Она провела ладонью по макушке собаки.

– Но, похоже, она ничего не забыла.

Хаски шагнула ближе, уткнулась носом в Лизино колено и вдохнула глубоко, будто проверяя: ты в порядке? Лиза присела и осторожно обняла её. Собака прижалась, вздохнула – и на мгновение дом стал особенно правильным: тихим, тёплым, наполненным запахом шерсти и шорохом детских тетрадей.

Иногда хаски вздрагивала от резкого хлопка двери. Иногда поджимала уши, когда за окном резко тормозила машина. Иногда приседала, если Миша выскакивал из комнаты слишком внезапно. И Лиза знала: в этой белой красоте живёт другая история – холодная, уличная, негромкая. Та, которую не рассказывают словами.

Теперь эта история была их общей.

– Мам, – Даша подошла ближе и тихо коснулась собаки щекой, – а ты сейчас что-нибудь загадываешь?

Лиза улыбнулась.

– С желаниями надо осторожно. Если загадывать, нужно быть готовым, что они сбудутся. Иногда – неожиданным способом.

Хаски подняла голову, внимательно посмотрела на неё и медленно махнула хвостом – не суетливо, будто сказала: “я и есть это желание”.

И в этот момент Лиза точно знала: история началась правильно. Сказка была уже здесь. А главные герои – не в книжке.

Глава 2. Более полугода назад

В тот день зима уже не притворялась. Облака затянули небо, ветер выл между домами, а снег, перемешанный с грязью, цеплялся за лапы и не отпускал.

Белая собака шла по городу медленно. Не потому, что хотела – потому что так было легче. Каждый шаг отзывался усталостью, в животе тянуло пустотой, которая не проходила ни днём, ни ночью. Лапы были мокрыми, шерсть – тяжёлой, и согреться не удавалось даже на ходу.

Она не помнила, как оказалась здесь. В памяти не было чёткой линии – только обрывки. Запах двора. Миска. Чьи-то руки. Потом – шум, резкий страх и дверь, которая закрылась. С тех пор мир стал другим.

Она шла, опустив голову, стараясь не смотреть прямо на людей. Взгляд – это вопрос. Вопросы опасны. Они требуют ответа, а ответ может стоить боли.

Иногда ей казалось, что если остановиться, станет легче. Но она знала: если остановится – замёрзнет.

У входа в продуктовый магазин запах свежего хлеба был таким плотным, что она невольно замедлила шаг. Тепло тянуло, как воспоминание. Она сделала шаг внутрь.

– А ну, пошла отсюда!

Голос ударил резко, как ледяная вода. Собака дёрнулась, поджала хвост и рванула назад, споткнувшись о порог.

“Я не кусаюсь. Я просто хотела...” – мысль не успела оформиться. Она снова шла. Те же улицы, те же спешащие люди. Ботинки, запахи, обрывки разговоров. Всё проходило мимо, будто её не существовало.

Пока не появилось тепло.

У старой трубы, возле дома, где грелись дворовые коты, стояла бабушка в тёмно-зелёном платке. Она раскладывала в миску сухой корм. Коты ждали – рыжий с надломленным ухом, серый полосатый, чёрный, сидящий чуть в стороне.

Запах еды добрался до собаки. Она замерла, прижала уши, сделала осторожный шаг.

– Ой, какая ты... – сказала бабушка мягко, будто голос можно было положить поверх холода. – Иди, иди.

Собака подошла медленно. Рука легла на голову – не резко, не требовательно. Тепло прошло сквозь шерсть и задело что-то внутри, давно замёрзшее.

“Так было раньше”, – мелькнуло. “Когда был дом”.

Бабушка насыпала сухарей. Собака схватила один и отбежала, потом вернулась за вторым, каждый раз поднимая глаза – проверяя: можно?

– Ешь, ешь. Здесь тебя никто не тронет.

Она присела рядом, не решаясь уйти. Глаза бабушки были спокойными, внимательными.

– Ты найдёшь своих людей, – сказала она. – Обязательно.

Собака не знала, что это значит. Но интонация была правильной.

Когда бабушка ушла, коты потянулись за ней. Тепло исчезло. Собака поднялась, отряхнулась и снова пошла.

В парке снег был другим – мягче. Здесь можно было замедлиться. Ветер нёс запахи деревьев, земли и чего-то живого. За поворотом появилась фигура женщины в спортивной куртке. Шаг быстрый, уверенный. Волосы выбились из-под шапки.

Их взгляды встретились.

Собака замедлилась. Женщина тоже. В её глазах мелькнуло удивление – и что-то ещё, не резкое, не оценивающее.

– Какая же ты красивая... – сказала женщина тихо, будто сама себе.

Собака чуть вильнула хвостом – и тут же опустила голову. Она прошла мимо. Не потому, что не хотела остаться. Потому что не знала, можно ли.

Женщина обернулась. Белая фигура уходила дальше, растворяясь в снегу. В груди у неё что-то дрогнуло – как незаконченная мысль.

“Осторожно... не потеряйся”, – подумала она.

Собака шла дальше. Лапы вязли в рыхлом снегу. Ветер бил в морду. В голове звучало тихое, упрямое: “надо идти”. Где-то там есть те, кого она узнает – по голосу, по взгляду, по тишине между словами.

К вечеру парк опустел. Под фонарём на лавке лежала забытая варежка – тёплая, с человеческим запахом. Собака легла рядом, положив голову на лапы. Смотрела на дорогу. Ждала. Она не знала кого. Но знала – узнает.

А в другом конце города Лиза, уже дома, наливала себе чай и вдруг поймала себя на мысли: “та собака... почему я не остановилась”? Она поставила кружку на стол и замерла. Это было не сожаление. Скорее – ощущение, что что-то важное уже произошло. Просто ещё не закончилось.

Глава 3. Приют и новые знакомые

Утро ещё не успело наполниться дневными звуками. Воздух был прозрачным, звенящим, будто каждая частица льда в нём пела свою отдельную, холодную ноту.

Белая собака проснулась под деревянными балками смотровой площадки. Над головой – доски, покрытые инеем, сквозь щели тянуло ветром. Внизу, за ограждением, виднелась река – серая, неподвижная, скованная льдом.

Потеряшка потянулась, распрямила лапы. Подушечки сразу коснулись ледяной корки снега, и по телу прошла дрожь. Мороз был не просто холодом – он проникал глубже, в кости.

Голод напомнил о себе привычным сжатием живота. Собака опустила морду, соскребла зубами обледенелый снег и проглотила несколько колких крошек – чтобы промочить горло. Вкус был чистым, металлическим.

Где-то вдалеке раздались птичьи голоса – нежные, почти весенние. Звук был таким неуместным среди холода, что она на секунду замерла, слушая. “Значит, жизнь всё ещё идёт”, – это ощущение не имело слов, но было знакомым.

Люди проходили мимо. Кто-то выгуливал питомца, кто-то бежал, сосредоточенный на дыхании. Они были рядом – и далеко. Хаски ловила взгляды, но они скользили мимо, не задерживаясь.

Потом появился человек в яркой форме. Он шёл уверенно, но без резкости. Шерсть на загривке у собаки слегка приподнялась, задние лапы напряглись. “Он идёт ко мне”. Это не было страхом – скорее готовностью исчезнуть.

– Ну что, замёрзла? – сказал он, присев на корточки, чтобы быть на одном уровне.

Запах был спокойным: холод, ткань перчаток, мята от жевательной резинки. Неопасный.

Он протянул руку. Собака сделала неуверенный шаг вперёд – маленький, осторожный. Из кармана появился кусочек лакомства. Шуршание плёнки было громким, почти праздничным. Голод оказался сильнее сомнений.

Она взяла еду и сразу почувствовала вкус – настоящий, плотный. Пока ела, человек ловко накинул поводок, подвывая его через плечи.

В машине было тепло. Слишком тепло. Воздух пах тканью сидений, резиной коврик, кофе и чем-то... Смесью корма, шерсти и дезинфекции. Белая собака сидела на подстилке и смотрела в окно, пока город проплывал мимо.

“Теперь всё решают они”, – это ощущение не пугало. Оно просто было.

Приют встретил её запахом – густым, многослойным. Металл, лекарства, корм, мокрая шерсть. Звуки накладывались друг на друга: лай, цокот когтей, скрип дверей, голоса людей. Мир стал громким и тесным.

Люди здесь двигались быстро, но аккуратно. В их взглядах было внимание – не равнодушное и не жалостливое. Это было новым.

В ветеринарной комнате женщина с татуировками животных на руках присела рядом.

– Ну-ка, красавица, посмотрим тебя.

Её руки были тёплыми, движения – спокойными. Когда она коснулась передней лапы, белая собака напряглась. Там, выше запястья, была старая боль – заживающая, но живая. Она тихо зарычала, предупреждая.

Женщина замерла.

– Всё хорошо, – сказала она негромко. – Я осторожно.

Запах ромашки, тёплая вода, бинт. Боль стала тише. Внутри возникло странное ощущение – её не прогоняют. Ей помогают.

Карантинное помещение было небольшим и слишком чистым. Белые стены, металлические решётки, миска с кормом. Здесь не было других собак, но были люди, которые приходили регулярно. В перчатках – иногда больно. Без перчаток – спокойно.

Она быстро запомнила голоса. Один – звонкий, другой – мягкий, как утренний туман. Режим стал понятным: еда, осмотр, тишина. И ожидание.

Через две недели дверь открылась иначе. Женщина с татуировками – Лера – повела её дальше. Новое помещение было шумным. Вольеры шли рядами, в каждом – по две-три собаки. Кто-то кидался на решётки, кто-то наблюдал молча.

Белую собаку подвели к вольеру, где уже жили две. Нонна подошла первой – хвост двигался быстро, взгляд был открытым. Дина держалась чуть в стороне, спокойная, тяжёлая, с уверенной позой. Запахи рассказали всё быстрее слов: возраст, характер, страхи. Хаски сделала шаг внутрь.

Обнюхивание было осторожным, почти ритуальным. Напряжение медленно уходило. Нонна ткнулась носом в плечо – коротко, без давления. Дина подошла ближе и позволила коснуться боков. Белая собака припала на передние лапы – приглашение, не требование. Нонна откликнулась. Дина наблюдала и через мгновение тоже включилась.

– Вот так, – тихо сказала Лера. – Теперь вы стая.

Слово зацепилось где-то глубоко. Стая – это когда рядом. Когда не исчезают.

К ночи приют стих. Остались редкие вздохи, шорох соломы, далёкий гул отопителя. Лера подошла к вольеру ещё раз.

– Мы будем искать тебе семью, – сказала она почти шёпотом.

Белая собака не поняла слов. Но интонация была ясной. Что-то хорошее должно было случиться. Она легла, уткнув морду в лапы. За стенами выл ветер. А внутри, впервые за долгое время, было не пусто.

Случай в приюте

Каждое утро в приюте начиналось с запаха корма. Он расползлся по коридорам, смешиваясь с утренним лаем и шорохом шагов. Это был особый запах – запах того, что еду не нужно искать. Она найдёт тебя сама.

Хаски быстро привыкла к соседкам. Нонна и Дина стали частью её новой, маленькой реальности. Они спали рядом, иногда устраивали короткие игры – без шума, без азарта улицы, – а иногда просто лежали, слушая, как ветер воет за стенами.

Порой в груди появлялось другое чувство – тихая жажда движения. Не тревога. Не страх. Желание бежать, выбирать направление, почувствовать под лапами землю, а не солому. Здесь было безопасно. Но за воротами был мир. И он звал.

Раз в неделю собак выводили гулять. Для хаски это было как праздник – запах свежего воздуха, свобода движения, пусть и ограниченная брезентовым поводком, возможность дышать миром без решётки.

Однажды Лера повела её к дальнему лугу. Ветер донёс новые запахи – густые, тёплые, непривычные. Белая собака замерла, втянула воздух, и внутри что-то щёлкнуло: “Это не собаки. И не кошки. Но живое. Большое”.

На лугу паслись осёл, козлик и лошадка – приютские постояльцы. Они жевали первую траву, пробивавшуюся сквозь мартовскую корку снега, иногда поднимая головы и оглядываясь.

Мышцы собаки напряглись сами. В запахах было то, что инстинкт называл «добыча», но параллельно душу будоражило другое – интерес. Новизна. Она замерла на секунду, потом хвост поднялся, уши насторожились. И вдруг она рванула. Поводок выскользнул из руки Леры.

Бежать. Узнать. Подойти. Лёд и земля мелькали под лапами, ветер бил в морду, уши трепал восторг. Осёл вскинул голову и громко фыркнул, козлик отскочил, а лошадка шагнула в сторону – спокойно, внимательно наблюдая за пушистой хулиганкой.

Белая собака сбавила скорость. Она не кинулась. Остановилась, втягивая воздух, считывая. “Ты не боишься. Ты странный. Не собака. Не волк. Но сильный”.

Осёл смотрел с недоумением. Козлик предусмотрительно спрятался за его бок. Лошадка сделала шаг вперёд и наклонила морду. Расстояние сократилось. Запах был непривычным – сладковатое сено, тепло кожи, липкая пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.